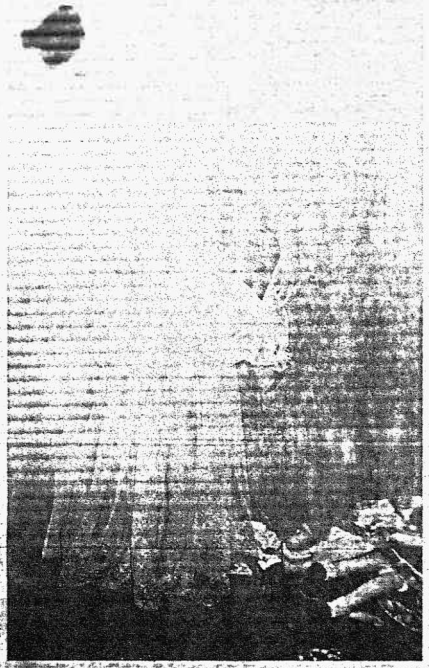

ИСКУССТВА К ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ

такли, в которых он впервые выразил поэзию обнаженного тела, были названы зрителем эротическими:

«Детские игры» под польки Штрауса. «Детская» пародия на ярмарке в Ландгуте. «Ландгутская ярмарка» — на вальсы Штрауса. «Герл» на музыку Биттла. История рождения и грехопадения девушки.

«Люксембургский сад» на музыку Джо Дассена. Эротические видения среди осенних листьев. Хороводы обнаженных дриад. Чертовски красиво.

«Мурка» на песни Петра Лещенко. Жестокое танго с убийством в разгуле кабацких страстей.

«Гимназистки». Ностальгический спектакль-романс.

«Андеграунд» на музыку Тома Уейба. «Черный» эротический авангард.

«Болеро» на музыку Равеля. Чувственный чад бостона, нагнетаемый равелевскими ритмами. Красота женского тела, грация, блеск.

Это был уже авторский театр в чистейшем виде, так как все, кроме музыки, принадлежало Демидовой руке. Основа — музыка: вечно любимые мелодии Битлов, эротичный Лиз Дассен. И — бесконечные зрелищные фантазии на эти музыкальные темы. Но на тексты — не музыку. Иногда тексты в инструментальных сюжетах, но чаще — [illegible] в балетном прикиде. Демидов ведь как критик вырос на балете, обожал его с детства (первый спектакль, который он увидел в младенческом возрасте в Одессе, был балет), и от этого тоже никуда нельзя было уйти. Отсюда — та безбрежность пластической фантазии, которая всегда присутствовала в его постановках и которой он дал-таки абсолютную волю в последний период жизни.

СЮЖЕТЫ И ПЕЙЗАЖИ

Были это именно сюжеты. Осуществленные сказки — принцип которых он упорно воплощал. Но пересказать которые было бы крайне затруднительно. Некий поток грез и тайных вымыслов, эротических предчувствий и обещаний. Сюжеты сердечных движений и волнений — какие могут только присниться во сне; с удивительной плотностью ежеминутного содержания, то есть проносящихся оттенков чувств и ощущений. И хоть все в них определял именно эротизм, со свойственной ему партитурой жестов и прикосновений, все же эти сюжеты были сторицею отстраненными и метафизическими. Преобладали мечты, видения без цели обладания и игры, на вечной [illegible] и чувств. Освобождали от страха перед собственным телом. И рождали стойкое, романтическое воодушевление в немногих рядах, которое держалось по-доброму.

Чаще всего сыпались упреки в нестандартности их фигур и некотором несовершенстве тел, открываемых на сцене. «Но у меня не балет и не пантомима!» — звучал в ответ Демидов, — «в жизни ваши тела тоже далеки от совершенства, а у меня на сцене обычные жизненные типажи!»

Именно так было. Демидову нравились типажи, выхваченные из жизни, а не стандартные красотки, у которых все как надо. Воспитывал именно группу индивидуальностей, а не ритмизованную толпу танцовщиц. В его спектаклях все [illegible] — [illegible] — — Аня Быстрова — крупная, зрелая, воинственно-женственная — «роковая»;

— Наташа Кожевникова — дворовая девчонка, «малышка», у которой что попка, что мордочка были одинаково хорошенькие;

— Ира Гаврилина — Умдина, летавшая по сцене с веселой и чистой порывистостью. Это была «звезда» — которую даже в голову не пришло бы уложить в постель, но можно было лишь любоваться.

ПРОЩАНИЕ

Все они и все мы, кто Демидова знал и существовал в поле его притяжения, до самоотверженности его любили. Дом его был какой-то шальной, особый; постоянная куча народа: старенькая Нигяр-ханум с бесконечной предупредительностью впускала все новых и новых гостей. А когда он первым на нашем горизонте приобрел видак — ну, у него тогда горчали сутками. Он прокручивал для нас все западные киношедевры, которых никто нигде увидеть, конечно, не мог. Я до сих пор не встречала в Москве ни одного подобного дома. Вечно молодежь вокруг, какие-то новые лица, и телефон непрерывно звонит.

Он обычно не помнил чужого зла, как и своего, причиненного кому-то. Со всеми своими обидчиками и обиженными потом мирился, все забывал.

После смерти в завалах его бумаг остался великий хаос неосуществленных намерений и ненаписанных трудов.

На том временном пароходе, в котором он жил, он был, конечно, фигурой одинокой. Он отплыл будет там один, даже отправляясь от нас всех больше.

Пишу ему вслед.

Ольга ИГНАТОВА.

Александр Демидов.